

ной формой подачи профилактической информации отметили: группу в социальной сети «ВКонтакте» (67,6%), игру (45,1%), голосовой сервис (19,7%). Выбор игры диктовался возможностью интересной подачи информации, свободой выбора пути, азартом. Предлагалось также использовать контент с «вирусным» эффектом.

Выбор студентами преимущественной формы распространения информации через создание группы в социальной сети отражает современную тенденцию трансформации отношения к виртуальному миру от предмета исследовательского интереса и развлечения к сфере общения и создания собственного контента. В этой связи обоснованно ожидать эффект от профилактических проектов, информационно продвигаемых именно через наиболее популярную у молодежи социальную сеть. Как пример можно привести не только группу в социальной сети «ВКонтакте» АнтиДилер Красноярск, но и ДоброКрск/Я – добровольцев Красноярского края, объединяющую участников, активно занимающихся социально позитивной деятельностью в рамках флагманской программы Красноярского края «Добровольчество». Здоровая альтернатива проведения свободного време-

ни, забытая, а современной молодежи почти неизвестная, – работа «тимуровцев» возрождается.

В современных реалиях профессионалам – представителям средних и старших возрастных групп необходимо не просто предпринимать попытки понять новую информационную среду, значимую для молодежи, но активно осваивать и, используя свой опыт «традиционной» деятельности, воздействовать на целевые группы с применением и «продвинутого» инструментария.

---

¹ Татаркин А.И., Куклин А.А., Клевакин А.Н. Практическая роль науки в условиях современной эволюции социально-экономических отношений в сфере незаконного оборота наркотиков // Наркоконтроль. 2014. № 3. С. 3–8.

² Российская периодическая печать: состояние, тенденции и перспективы развития : отраслевой доклад / под общ. ред. В.В. Григорьева. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2016.

³ Жилавская И.В. Влияние СМИ на молодежь. Социологическое исследование (Томский институт информационных технологий) // Медиаобразование: от теории к практике: сборник материалов I Всероссийской научно-практ. конф. «Медиаобразование в развитии науки, культуры, образования и средств массовой коммуникации» (Томск, 20–21 ноября 2007 г.) / сост. И.В. Жилавская. Томск: НОУ ВПО ТИИТ, 2007. С. 240–277.

Нескрябина О.Ф.,

доктор философских наук, профессор
Сибирский федеральный университет
(г. Красноярск)

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ДЕЛЕ ДОСТИЖЕНИЯ И ПОДДЕРЖАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО СОГЛАСИЯ

Гражданское согласие является условием отношений доверия между структурами общества и государства. В социальных науках и в общественном мнении есть упование на то, что возрастающая религиозность российских граждан способна быть интегрирующей силой, и церковь служит связующим звеном между институтами государства и гражданами. Насколько эти надежды оправданны?

Известно, что по данным опросов общественного мнения большинство

россиян (более 70%) считают себя людьми верующими. Однако степень воцерковленности наших граждан существенно ниже. У многих верующих отсутствует четкая конфессиональная идентификация. В этой ситуации нетривиальным является вопрос: каков характер религиозной веры современного россиянина? Во что верят те, кто называют себя христианами, но не являются прихожанами какой-либо церкви?

Вопрос об особенностях религиозной идентификации требует серьезного

анализа. Термин «религиозная идентификация» непривычен, но в данном контексте более точен, чем «религиозная принадлежность», потому что «идентификация» предполагает процесс и допускает разные степени его развития, в то время как «принадлежность» обозначает скорее некое статичное состояние. Понятно, что социологические опросы не могут выявить степень и качество чувства религиозной принадлежности.

Возможно, публичный дискурс о вере, ведущийся в медиасфере, более точно выявляет религиозные настроения в обществе? Однако есть основания полагать, что общественное обсуждение религиозной проблематики способно искажать реальную картину, создавая впечатление более высокого, чем в реальности, уровня религиозности. Это объясняется тем, что некоторая часть интеллигенции относится с пиететом к религии из-за чувства вины за те гонения, которым та подвергалась в советские времена. В менталитете постсоветского времени образ российской истории и культуры неотделим от православной традиции. В дискурсе о роли православия стал часто употребляться термин «культурный код». Он не обладает ясным значением, однако содержит явно положительный посыл. И все же идентификация с религиозной культурой не означает присутствия религиозных убеждений.

Строго говоря, функция интеграции может осуществляться и без наличия веры. Важно то, что церковь «персонифицирует» единство ценностей и это духовное единство ощущается гражданским обществом. В советские времена находились желающие венчаться в церкви, несмотря на осложнения, которые могли за этим последовать. Не потому что вступающие в брак были христианами, а потому что хотелось заключить союз согласно такому обряду, который воплощал идею святости и нерушимости института семьи. На мой взгляд, это хорошая иллюстрация психологической особенности идентификации: возможность через действие ощутить близость к смыслу. Другой вопрос – правильно ли это с точки зрения церкви.

Тот факт, что идентификация с религиозной культурой, в принципе, не обязательно предполагает наличие веры, вполне согласуется с законами человеческой психики. Например, такие эффекты, как «присоединение к авторитету», желание «греться в лучах чужой славы», такие действия, как погоня за автографами и желание знать и рассказывать о жизни звезд и пр., и пр. – можно все это назвать псевдоидентификацией, иллюзорной идентификацией и т.п., но это обычные модусы социального поведения. Они проявляют важную особенность мотивации человека – потребность самоутверждения посредством принадлежности авторитетной идее. Данная особенность имеет положительные следствия, так как многим людям вера дается трудно или вообще не дается. Поэтому не стоит уповать на возрастание религиозности, но можно стараться усилить духовно-нравственный потенциал идентификации.

Задача достижения гражданского согласия может быть решена, если общественность консолидируется на нравственных принципах, общих для светской и религиозной духовности. Однако многие из тех, кто называет себя христианами, ассоциируют религию с обрядами, мифологемами и практической магией, имея довольно смутные представления о христианских добродетелях и метафизике веры.

Публичный дискурс, не отражая адекватно распространенность религиозного сознания в социуме, проявляет некоторые его качественные особенности. И эти особенности таковы, что не отвечают задачам достижения гражданского согласия.

Тон участников публичного дискурса на религиозные темы в постперестроечное время сильно изменился. Со стороны научного сообщества он стал более спокойным, можно сказать, более уступчивым. Вероятно, на характер отношения ученых к религии влияет то обстоятельство, что наука в современном обществе занимает более скромное место, чем это было в эпоху сциентизма, когда от нее ожидали решения всех проблем человечества, включая смысложизнен-

ные. Теперь в медиасфере много агрессивной риторики в отношении науки со стороны защитников веры. В телевизионных ток-шоу, в соцсетях и популярных интернет-ресурсах такую позицию обычно демонстрируют люди, не имеющие богословского образования. Практикуются риторические приемы, призванные обеспечить эффект смешения разного рода мистики, магии, псевдонаучных гипотез и веры. Подобные факты свидетельствуют о низкой религиозной культуре и низкой культуре ведения полемики.

Есть основания говорить о распространении в обществе масскультной религиозности. Под масскультностью в данном случае понимаются все те черты массовой культуры, которые обслуживают «натурную» часть природы человека. Эта культура практически не нуждается в каком-то особом формировании, воспитании, насаждении, поскольку ее родовыми признаками являются простота, развлекательность, утилитарность. Проекциями этих качеств в область религиозного мировоззрения выступают стереотипность, предрассудочность и радикальность оценок. (Радикальность и воинственность суждений и поведения могут играть роль драматизации реальности и служить средством развлечения, что мы часто и наблюдаем в мире медиа.)

В публичной сфере есть такие проявления религиозного рвения, которые вызывают негативный отклик общественности. Автор статьи о том, чего боится современное российское общество, в число десяти социальных фобий страны включила церковь.¹ В качестве причины страхов в тексте названы радикальные заявления в социальных сетях и СМИ, которые часто делаются «от лица всех верующих», введение курсов религиозной культуры и истории религии в школах и вузах... В одном трудно согласиться с автором: в круг тех, кто боится церкви, журналист А. Лонская включила только либералов и гомосексуалистов.² По-видимому, этот круг все же шире. Об этом свидетельствует, в частности, недавнее обсуждение темы внедрения религиозных дисциплин в систему свет-

ского образования (Телеканал ОТР, программа «Прав!Да? Духовно-нравственное воспитание или пропаганда?», 17.01.2017).

Может вызывать опасение перспектива столкновений между истинами науки и религиозными откровениями. И хотя в христианстве и в исламе накоплен огромный опыт сравнительно мирного сосуществования науки и веры, нельзя сказать, что тут нет противоречий.³

Миссионерство присуще религии, что психологически вполне естественно. Стремление обратить других в свою веру касается любых убеждений, а религиозных – в особенности, ведь они по определению имеют Абсолют в качестве своего источника и гаранта. Однако убежденность верующего в ее масскультном варианте, как о том свидетельствует история и современность, довольно опасная вещь. Такого рода религиозность легко соединяется с чертами, которые составляют «комплекс авторитаризма» (другое название – «антидемократическая тенденция»). Смысловое ядро данного комплекса составляет стремление найти внешний источник всех жизненных неурядиц – общественных и личных – и направить агрессию на этого виновника. Основные составляющие «антидемократической тенденции» и, соответственно, черты авторитарной личности суть следующие: уважение сильной власти, экстернальность, агрессия в отношении всего чужого, особая приверженность традиционной морали, склонность к предрассудкам, стереотипное мышление и антиинтеллектуализм.⁴ Из данного комплекса наибольший интерес для рассматриваемой темы представляют склонность к предрассудкам, антиинтеллектуализм и агрессивность по отношению ко всему, что представляется чуждым и непонятным.

Из всего вышесказанного следуют выводы: религиозная вера имеет потенциал миротворческой консолидирующей силы, только если она принимается как система моральных принципов. Пока что в российском обществе много поверхностной масскультной религиозности с выраженной авторитарной тенденцией. Об этом свидетельствует, в частности, вра-

ждебность по отношению к науке, проявляемая в публичном дискурсе о вере. Средствами решения данной проблемы являются повышение общественного статуса науки, снижение градуса агрессивности в медиасфере, развитие системы религиозного и светского образования.

---

¹ Лонская, А. 10 социальных фобий страны. Чего боится современное российское общество // Русский репортер. 2012. № 34. С. 64-69.

² Там же.

³ Оксфордское руководство по философской теологии / сост. Томас П. Флинт и Майкл К. Рей ; ред. М.О. Кедрова. М.: Языки славянской культуры, 2013. 872 с.

⁴ Адорно Т. Исследование авторитарной личности / под общ. ред. В.П. Култыгина. М.: Серебряные нити, 2001. 416 с.